

Т.А. Кискидосова*

КОНФЕССИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
НАСЕЛЕНИЯ ГУБЕРНСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ЦЕНТРОВ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКАdoi:10.31518/2618-9100-2026-1-7
УДК 94(47).08(571.5)*Выходные данные для цитирования:**Кискидосова Т.А. Конфессионально-этническая структура населения губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 83–100.**URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-07.pdf>*

T.A. Kiskidosova*

CONFESSIONAL AND ETHNIC STRUCTURE
OF THE POPULATION IN THE REGIONAL
CENTERS OF EASTERN SIBERIA
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-7

*How to cite:**Kiskidosova T.A. Confessional and Ethnic Structure of the Population in the Regional Centers of Eastern Siberia in the Second Half of the 19th Century // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 83–100. [Available online:**<http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-07.pdf>]*

Abstract. The article considers the confessional and ethnic structure of the population of Krasnoyarsk, Irkutsk, Chita, and Yakutsk in the second half of the 19th century. Krasnoyarsk and Irkutsk were governorate cities; Chita and Yakutsk were regional cities in Eastern Siberia. The confessional and ethnic composition of the urban population is analyzed based on census statistics and reference materials. It is revealed that as the population grew in the cities, there were changes in the confessional and ethnic structure. Despite the fact that the majority of urban residents were Orthodox, the proportion of other religious groups gradually increased. By the end of the 19th century, the ethnic picture of the cities looked diverse due to the influx of representatives of various nationalities. The ethnic group of Russians prevailed in all the cities under consideration. In addition to Russians, other ethnic groups such as Jews, Poles, Tatars, Yakuts, Germans, Buryats, Chinese, etc., harmoniously joined the ethnic structure. In all the governorate and regional centers of Eastern Siberia, ethnic groups interacted and collaborated. The characteristic feature of Yakutsk was that, along with the Russian population, there was a fairly high proportion of Yakuts in it, which affected the lifestyle of other ethnic groups in the city. The article presents the examples when Russians adopted some Yakut customs and traditions. Thus, during the second half of the 19th century, the governorate and regional centers of Eastern Siberia were replenished with representatives of different faiths and nationalities.

Keywords: Eastern Siberia, urban population, religious and ethnic composition, ethnocultural interaction, First General Census of 1897.

The article has been received by the editor on 19.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Татьяна Александровна Кискидосова**, кандидат исторических наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: tak_74@mail.ru
Tatyana Alexandrovna Kiskidosova, Candidate of Historical Sciences, Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: tak_74@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена конфессионально-этническая структура населения Красноярска, Иркутска, Читы и Якутска во второй половине XIX в. Красноярск и Иркутск были губернскими городами, Чита и Якутск – областными городами Восточной Сибири. На основе статистических данных переписей и справочных материалов проанализирован конфессиональный и этнический состав городского населения. Выявлено, что с ростом численности населения в городах происходили изменения в конфессионально-этнической структуре. Несмотря на то, что основную массу городских жителей составляли православные, постепенно происходило увеличение удельного веса других религиозных групп. К концу XIX в. этническая картина городов выглядела многообразной за счет притока представителей различных национальностей. Этническая группа русских преобладала во всех рассматриваемых городах. Кроме русских, в этническую структуру гармонично вливались евреи, поляки, татары, якуты, немцы, буряты, китайцы и другие этносы. Во всех губернских и областных центрах Восточной Сибири происходило взаимодействие и взаимовлияние этнических групп. Особенностью Якутска было то, что в городе наряду с русским населением наблюдался достаточно высокий удельный вес якутов, что сказалось на образе жизни других этносов в городе. Приведены примеры, когда русские перенимали некоторые якутские обычаи и традиции. Таким образом, на протяжении второй половины XIX в. губернские и областные центры Восточной Сибири пополнялись за счет представителей разных конфессий и национальностей.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, городское население, конфессиональный и этнический состав, этнокультурное взаимодействие, Первая всеобщая перепись населения 1897 г.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025 г.

Введение. Одним из важнейших направлений Российского государства и общества является регулирование межнациональных и межрелигиозных отношений. Необходимо учитывать и удовлетворять потребности и нужды различных этносов и конфессий. Межэтнические и межрелигиозные отношения продолжают вызывать интерес современных исследователей. В историческом контексте важно изучать взаимодействия пришлого и коренного населения на окраинных территориях Российского государства.

В отечественной историографии проблеме этноконфессиональных отношений в Сибири в эпоху модернизации посвящены многочисленные исследования¹. Ученые в целом

¹ Брюханова Е.А., Чекрыжова О.И., Неженцева Н.В. Диаспоры этнических меньшинств в городах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.: демографические и социальные особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2024. Вып. 23, № 1. С. 8–18; Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М. Виды городских общностей и религиозный быт горожан губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Сибирский город XVIII–XX веков: сб. ст. Иркутск, 2011. С. 70–80; Дворецкая А.П., Терскова А.А. К вопросу о распространении православия среди инородцев Туруханского края в XVIII – начала XX вв. // Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2018. С. 118–125; Карих Е.В. Этническая структура экономики Иркутской губернии во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 152–155; Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95; Коровушкин Д.Г. Конфессиональный фактор в процессах этнокультурной интеграции аграрных переселенцев Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в. // Манускрипт. 2018. № 6 (92). С. 46–50; Недзелью Т.Г. Источники для изучения государственно конфессиональной и международной политики в Степном Генерал-губернаторстве (по материалам Центрального государственного архива Республики Казахстан) // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. С. 154–166; Недзелью Т.Г. Смена вероисповедной принадлежности в Российской империи на примере Западной Сибири: потенциальные возможности, нормативное регулирование, практика применения // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 128–139; Терскова А.А., Дворецкая А.П. Взаимоотношения православной церкви и общин баптистов в Енисейской губернии начала XX века // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XVIII Междунар. науч. конф. Иваново, 2019. С. 168–173; и др.

рассмотрели этноконфессиональный состав населения региона, религиозный быт горожан, деятельность различных этносов и конфессиональных групп в хозяйственном освоении региона и т.д. Одновременно исследовались формирование и адаптация к сибирским условиям еврейской, польской и немецкой диаспор. Государственную политику в отношении еврейского населения в Сибири, формирование и деятельность еврейской общины и другие вопросы изучали А.П. Андреев², Л.В. Кальмина³, Т.Т. Курчатова⁴, Н.А. Орехова и Я.М. Кофман⁵, В.Ю. Рабинович⁶, О.С. Ульянова⁷. История польской и немецкой диаспор в Сибири исследована Ю.М. Гончаровым⁸, Т.Г. Недзельюк⁹, Е.В. Семеновым¹⁰, В.А. Скубневским¹¹, Л.К. Островским¹², Д.Ю. Хоменко¹³. Правовое положение мусульманских общин и социально-экономическая адаптация мусульман рассматривались в работах П.К. Дашковского и Е.А. Шершневой¹⁴, В.В. Перинова¹⁵. Несмотря на обширную историографию по данной теме, недостаточно изученными остаются вопросы формирования этнических диаспор и религиозных групп, межэтнические контакты и изменения в этноконфессиональной структуре населения Восточно-Сибирского региона в эпоху российской модернизации. В данной статье рассматривается конфессионально-этническая структура городов Восточной Сибири во второй половине XIX в.

В 1851 г. в административном устройстве генерал-губернаторства Восточной Сибири произошли административные изменения, связанные с образованием Забайкальской области с центром в Чите. Территория Восточной Сибири в административном отношении подразделялась на две губернии – Иркутскую и Енисейскую, и две области – Забайкальскую и Якут-

² Андреев А.П. Еврейская диаспора Якутии // Наука и образование. 2006. № 3. С. 114–117; Андреев А.П. Еврейское население Якутии // Наука и образование. 2007. № 3. С. 68–70.

³ Кальмина Л.В. Евреи в дореволюционном Иркутске: отблеск губернского лоска // Известия Иркутского государственного университета. 2012. № 1 (2). С. 118–126; Кальмина Л.В. Еврейская община в Забайкалье: региональные нюансы самоуправления // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Т. 23. С. 55–61; Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX – февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 2003.

⁴ Курчатова Т.Т., Андреев А.П. Евреи Якутии в конце XIX в. (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 72–75.

⁵ Орехова Н.А., Кофман Я.М. Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность (XIX – начало 30-х гг. XX вв.). Красноярск, 2009.

⁶ Рабинович В.Ю. Евреи и поляки в дореволюционном Иркутске: «переселенцы» в переселенческом обществе // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-1 (68). С. 201–206.

⁷ Ульянова О.С. Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни г. Томска (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия). Томск, 2010.

⁸ Гончаров Ю.М. Польская семья в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сб. ст. Барнаул, 2005. С. 101–112.

⁹ Недзельюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830–1917 гг.). Новосибирск, 2016.

¹⁰ Семенов Е.В. Польские политические ссыльные в Чите в 60–70-е гг. XIX в. // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 92–98.

¹¹ Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польские ссыльные в России XIX–XX веков: региональные центры. Казань, 1998. С. 170–175.

¹² Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. Новосибирск, 2016.

¹³ Хоменко Д.Ю. Лютеранские приходы на территории Енисейской губернии в XIX веке: создание и реорганизация // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска): мат-лы Сиб. ист. форума. Красноярск, 2019. С. 389–391; Хоменко Д.Ю. Хозяйственная адаптация прибалтийских народов в Сибири в начале XX века (на материалах Енисейской губернии) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (27). С. 204–216; Шайдунов В.Н. Повседневная жизнь европейских общин в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. (по материалам периодической печати) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 88–92; Шайдунов В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 81–97.

¹⁴ Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Этнорелигиозный фактор в социально-экономической адаптации мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 223–237.

¹⁵ Перинов В.В. Мусульманская община Верхнеудинска в конце XIX – начале XX века: социальный портрет // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 4–8; и др.

скую, объединившихся в рамках Восточно-Сибирского (с 1887 г. Иркутского) генерал-губернаторства. Два города – Иркутск и Красноярск – официально имели статус губернских городов, и два города – Чита и Якутск – областных¹⁶.

В рассматриваемый период для губернских и областных центров Восточной Сибири были характерны как схожие черты, так и особенности. Города отличались друг от друга временем возникновения, местом расположения, климатом, экономическим потенциалом и культурными традициями. Иркутск, получивший статус города еще в 1686 г., во второй половине XIX в. являлся самым крупным городом в Восточной Сибири, он динамично развивался и имел перспективы на дальнейший рост. В этом губернском центре сосредоточилась вся восточносибирская торговля, город был транзитным пунктом, через который проходили чайные обозы и перевозили сибирские меха. Иркутск выделялся среди других городов и лидировал по экономическому и культурному развитию. Однако даже этот губернский центр оставил неоднозначное мнение о своем развитии у путешественников и публицистов. Когда Г.Н. Потанин писал об Иркутске, он отмечал, что «ни один город Сибири не мог похвастаться такой блестящей и просвещенной буржуазией, как в Иркутске»¹⁷. Наряду с многочисленными положительными отзывами встречалось и такое мнение современников, что «ему еще надо много лет прожить, чтобы стать европейским городом»¹⁸. К старейшим сибирским городам относился Красноярск, получивший статус города в 1690 г. Во второй половине XIX в. Красноярск представлял собой больше административный центр, чем коммерческий, и по своему уровню значительно уступал Иркутску и Томску. До проведения железной дороги он невыгодно располагался и не имел никаких шансов догнать и перегнать эти губернские города. Красноярск стоял в стороне от путей, связывавших Томск и Иркутск, следовательно все сделки и товары проходили мимо него¹⁹. Среди четырех восточносибирских центров Чита была самым молодым городом, получив статус в 1851 г. В 1880-е гг. современники писали о «непрезентабельном виде» административного центра Забайкалья. В то время численность постоянных жителей колебалась от 4 до 5 тыс., если не считать военных, которые временно проживали в Чите. Показателем отсталости города являлось отсутствие там общественной жизни²⁰. Якутск, основанный в 1632 г., был самым малонаселенным городом среди других административных центров. В удаленном городе с очень суровыми климатическими условиями крайне медленно увеличивалась численность населения. Тем не менее в экономическом плане Якутск выступал центром средоточия и распространения товаров в Якутской области с достаточно оживленной торговой жизнью. К концу XIX в. по внешнему виду Якутск выглядел не как город, а больше походил на большое зажиточное село. В городе находилось всего четыре каменных дома, все остальное пространство заполнили деревянные здания и якутские юрты²¹.

Источниковой базой данного исследования стали статистические материалы и приложения к губернаторским отчетам, опубликованные справочники, памятные книжки и переписи населения (Однодневная перепись населения городов Якутской области в 1885 г., Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.). В качестве дополнения были использованы этнографические материалы Научного архива Русского географического общества.

Во второй половине XIX в. Российской империи, расположенной на пересечении различных цивилизаций, был присущ пестрый этнический и религиозный состав населения. В эпоху модернизации с притоком населения в Сибирь происходил активный процесс формирования этноконфессиональных сообществ и диаспор. Одновременно в условиях мирного сосуществования происходили межконфессиональные и межэтнические взаимодей-

¹⁶ Гимельштейн А.В. Динамика городского населения Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере губернских и областных центров) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2011. С. 361.

¹⁷ Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 238.

¹⁸ Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1895 г. Томск, 1895. С. 191.

¹⁹ Сибирь. 1880. 24 февр. С. 3.

²⁰ Борисовский Н.Ф. Картинки сибирской жизни. От Читы до Тифлиса. Митава, 1890. С. 73.

²¹ Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1896 г. (високосный). Томск, 1896. С. 224.

ствия. Религиозная культура жителей губернских и областных центров Восточной Сибири была связана с национальной принадлежностью и оказывала серьезное влияние не только на повседневный быт горожан, но и на формирование профессиональной и культурной общности²².

Согласно статистическим материалам второй половины XIX в., учет этнического состава населения в основном производился по религиозному признаку, поэтому сведения о национальностях можно идентифицировать по приблизительным данным. До конца XIX в. в основном фиксировался вероисповедный состав населения. Информация об этническом составе населения некоторых сибирских городов содержится в однодневных переписях и справочниках. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. дали наиболее полную информацию о национальном составе исходя из родного языка и вероисповедания. В то же время необходимо учитывать, что определение этнического состава населения на основе родного языка может быть неточным и искажать численность некоторых этносов. Например, несколько завышалась численность представителей русской национальности²³. Определение национального состава населения на основе вероисповедания можно применять условно, поскольку нельзя утверждать, что все русские были православными, евреи – иудеями, поляки – католиками и т.д. Такая категория населения, как «русские», помимо великороссов включала также украинцев и белорусов.

Конфессии и этносы в крупных городах Восточной Сибири в начале 1860-х гг. В начале 1860-х гг. в губернских и областных центрах Восточной Сибири преобладающей конфессиональной группой были православные (табл. 1). Наиболее высокий удельный вес православных наблюдался в Якутске – 96,8 % (5 466 чел.). В городе к данной категории относились представители разных этносов, но основу составляли русские и якуты. В Иркутске доля православных достигала 95,8 % (23 744 чел.), в Красноярске – 93,0 % (8 160 чел.)²⁴. В Чите доля православных была несколько меньше, чем в других центрах, но они также являлись основной частью населения – 89,6 % (2 704 чел.)²⁵.

Конфессиональная группа «иудеи» включала представителей еврейского этноса. После принятия закона 1837 г. возможность переезда евреев в Сибирь была сильно ограничена, и дозволение поселиться здесь на легальных основаниях получали только некоторые их категории. Например, постоянным источником пополнения иркутского еврейского общества выступали кантонисты. Отслужившие полный срок службы по рекрутскому уставу солдаты-евреи получали право повсеместного жительства в империи. Другим источником пополнения еврейского населения в Сибири были ссыльные со своими семьями. Ссыльные стали самой многочисленной и устойчивой группой иркутского еврейского населения²⁶. В начале 1860-х гг. по количеству представителей иудейского вероисповедания лидировал Красноярск (362 чел., 4,1 %) (см. табл. 1). В Чите и Красноярске иудеи представляли заметную конфессиональную группу. В Чите было 275 чел. представителей иудейского вероисповедания, что составило 9,1 %, в Красноярске соответственно 362 чел. (4,1 %). Более низкие численность и доля иудеев в составе горожан отмечены в Иркутске – 245 чел. (1,0 %) и Якутске – 36 чел. (0,6 %). Конфессиональная группа «католики» была заметной в Красноярске (1,9 %) и Иркутске (1,1 %), меньше всего их проживало в Чите (0,4 %) и Якутске (0,1%). Подавляющее большинство католиков-сибиряков составляли представители польской национальности. По мнению Т.Г. Недзелюк, до массовой миграции в Сибирь немцев католического вероисповедания в 1880-х гг. именно поляки выступали инициаторами основания региональных католических общин²⁷.

²² Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М. Виды городских общностей... С. 73.

²³ Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2007. Ч. II. С. 58.

²⁴ Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. СПб., 1863. Табл. II; Памятная книжка Иркутской губернии на 1863. Иркутск, 1863. С. 108–109; Памятная книжка Якутской области за 1863 г. СПб., 1864. Табл. II.

²⁵ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 210.

²⁶ Кальмина Л.В. Евреи в дореволюционном Иркутске... С. 118–119.

²⁷ Недзелюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири... С. 49.

Представители мусульманского вероисповедания в рассматриваемых городах являлись незначительной частью населения. В Иркутске удельный вес магометан составлял 0,5 %, в Красноярске – 0,7 %. В Якутске к группе приверженцев ислама относился всего 1 чел., в Чите не было ни одного мусульманина. Самое большое количество протестантов сконцентрировалось в Иркутске – 97 чел. (0,4 % от всех горожан). В остальных городах группа протестантов была немногочисленной: в Чите на нее приходилось 0,3 %, в Красноярске – 0,2 %, в Якутске – 0,2 %.

В Иркутске и Чите в группу «прочие» входили буддисты и ламаисты. В Иркутске и Чите ламаизм исповедовали в основном буряты. В 1861 г. в Чите 22 чел. были ламаистами, их причислили к группе «нехристиан»²⁸. По численности ламаистов Иркутск значительно превышал Читу, там «ламаисты» (300 чел.) относились к группе «прочие» и составляли 1,2 % всего города²⁹.

В 1860–1870-е гг. в рассматриваемых городах проживала незначительная доля «раскольников». При учете населения в список «раскольников» записывали как старообрядцев, так и представителей различных религиозных сект (молокан, скопцов, субботников, духовоборов, хлыстов, шалопутов и др.). В 1860 г. в Якутске насчитывалось 47 старообрядцев, 9 скопцов. Вместе со старообрядцами зафиксировали молокан (4 чел.), «евреев» (субботников, 16 чел.)³⁰. В 1862 г. в Якутске проживало 129 раскольников (2,28 %). В начале 1860-х гг. в Иркутске и Чите не было ни одного раскольника. В Красноярске доля раскольников была ничтожна и составляла всего 0,1 % (см. табл. 1). Согласно статистическим данным, в 1872 г. в Иркутске к раскольникам относился 51 чел. В «раскольники» были записаны: «приемлемое священство» – 12 чел., беспоповцы – 32 чел. (из них признающих брак – 28 чел., не признающих брак – 4 чел.), молокане и духовоборцы – 3 чел., скопцы – 4 чел.³¹ Спустя три года в 1875 г. в Иркутске осталось всего 18 чел., причисленных к группе «раскольников» без разделения на секты³².

Конфессии и этносы Иркутска в 1860–1870-е гг. Этнический и конфессиональный состав населения Иркутска в 1860–1870-е гг. можно рассмотреть на основе статистических данных того времени. М.В. Загоскин, опираясь на справочные материалы, попытался обрисовать этнический состав Иркутска. По его примерным подсчетам, городские жители состояли из 78 % сибирских уроженцев, 9 % приезжих и 13 % ссыльных. К концу 1860-х гг. подавляющую массу населения Иркутска составляли русские православного вероисповедания. К сожалению, автор не привел даже приблизительные сведения о численности русского населения. Можно предполагать, что удельный вес русского населения превышал 90 %. Группа «старообрядцев» состояла из 35 чел. и также была представлена русским этносом. Из всего городского населения только около 2 тыс. чел. составляли «нерусские». В эту группу входили поляки, которые исповедовали католицизм (не более 550 чел.). К приверженцам «лютеранского и реформаторского вероисповедания» (представителям немецкой диаспоры) относилось около 200 чел. Сведения о численности иудеев не приведены, но в то время на их долю приходилось не менее 1 % всего населения. Среди конфессиональных групп заметное место занимали инородцы, исповедовавшие буддизм и шаманизм, к ним причислялись буряты и монголы. В конце 1860-х гг. в городе насчитывалось до 600 чел. бурят и монголов³³. Возможно, что данные об инородцах приблизительно и были несколько завышены. К 1879 г. в Иркутске проживало 278 бурят-монголов (0,8 % от числа всех горожан). Можно предполагать, что сокращение численности этой этнической группы произошло в связи с их отъездом и ассимиляцией среди других народов. Другие коренные

²⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 107. Л. 69.

²⁹ Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 г. ... С. 108–109.

³⁰ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 286. Л. 4.

³¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 389. Л. 23.

³² Там же. Л. 35.

³³ Загоскин М.В. Иркутск и Иркутская губерния с очерком прочих губерний и областей Сибири. Иркутск, 1870. С. 14.

народы Сибири (якуты, тунгусы, карагасы и др.) не были зафиксированы среди горожан³⁴. Поляки, немцы и другие европейцы в основном состояли на военной и гражданской службе. Евреи преимущественно занимались мелочной торговлей и ремеслами, татары широко развернули торговые связи и выезжали с кладями из Томска, буряты нанимались в работники или трудились в плотничном ремесле³⁵.

Согласно однодневной переписи, проведенной в 1875 г. в Иркутске, православные по-прежнему оставались основной массой населения, включавшей 29 780 чел. (табл. 2, рис. 1). Однако удельный вес группы православных среди иркутян несколько снизился: с 95,8 % в 1861 г. до 91,6 % в 1875 г. Второй группой после православных стали иудеи (1007 чел.), их доля составляла 3,1 %. Совсем ненамного по численности и удельному весу им уступали католики (965 чел., 3,0 %). Среди них наблюдалась значительная диспропорция полов: на 774 мужчин приходилась лишь 191 женщина – показатель того, что приверженцы католицизма были представлены в основном ссыльными поляками. Ислам исповедовали 308 чел. (0,9 %). В городе насчитывалось также 180 чел. (0,5 %) протестантов, включая лютеран (156 чел.), реформатов (6 чел.), кальвинистов (1 чел.), англиканцев (1 чел.). Старообрядцы составляли 0,1 % городского населения. В Иркутске проживали 147 чел., которые относились к группе шаманистов (см. табл. 2). По сравнению с 1861 г. в 1875 г. существенно сократилось число ламаистов (с 300 до 33 чел.)³⁶. В результате активной деятельности Иркутской православной епархии число ламаистов и шаманистов постепенно сокращалось³⁷.

Основную массу населения Иркутска составляли представители русского этноса. По наблюдению М.В. Загоскина, их предки переселились из Вологодской, Новгородской и других губерний центральной части Российской империи. Подтверждением служило то, что в языке иркутян оставалось почти неизменившееся новгородско-вологодское наречие. Тип лица, выговор, обычаи, поверья, поговорки и песни уроженцев северных губерний России сохранились среди русского населения Иркутска во второй половине XIX в. Конечно, на повседневной жизни и культуре горожан сказывалось также влияние коренных жителей – бурят. Русскоязычные горожане употребляли в разговорной речи много слов, заимствованных из бурятского языка. Например, «шарба» (похлебка), «тулун» (мешок), «унты» (обувь), «халюный» (цвет лошадиной масти) и т.п.³⁸

В Иркутске значительно выросла численность еврейской диаспоры. В 1863 г. в городе проживало 283 чел. (1,0 % от всего населения), в 1875 г. – 1007 чел. (2,6 %)³⁹. Представители еврейского этноса тяготели к тому, чтобы прочно обосноваться в городах, там они находили привычные для себя занятия – торговлю и ремесло.

Большинство поляков попадали в Сибирь как участники национальных восстаний. Все они рассматривали сибирский край как место своего временного пребывания и свое будущее связывали с возвращением на родину. Представители польской диаспоры способствовали развитию ремесел и огородничества в Сибири. Современники заметили, что они внесли в повседневную жизнь Иркутска такие хорошие качества, как учтивость, сдержанность, такт. Поляки содействовали росту уровня культурного развития средних и низших слоев населения, поскольку среди них было много учителей музыки, рисования и иностранных языков⁴⁰. Но все же ссыльные поляки с большим трудом адаптировались к суровым сибирским условиям и прилагали невероятные усилия для выживания. По утверждению И.П. Белоконского, многие представители польской интеллигенции с трудом находили себе пропитание. «Большинство, особенно из низшего сословия, не выдержало борьбы и поплыло по общесибирскому руслу эксплуатации и мошенничества, завоевывая человеческое суще-

³⁴ Восточно-Сибирский календарь на 1885 г. Иркутск, 1884. С. 46–47.

³⁵ Загоскин М.В. Иркутск и Иркутская губерния с очерком... С. 14.

³⁶ Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 г. ... С. 108; Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 г. Иркутск, 1881. С. 65–66.

³⁷ Карих Е.В. Этническая структура экономики Иркутской губернии... С. 152.

³⁸ Загоскин М.В. Иркутск и Иркутская губерния... С. 26, 75.

³⁹ Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 г. Иркутск, 1865. С. 261; РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 321. Л. 35.

⁴⁰ Романов Н.С. Летопись Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 90.

ствование. Другие прозябали 20 лет в нищенской обстановке»⁴¹. Н.С. Романов считал, что многие поляки умерли от нужды, лишений, тяжелых условий и неблагоприятной обстановки. Представителям польской диаспоры приходилось выполнять разнообразную работу, в том числе никак не связанную с полученным образованием. Например, ссыльному студенту-математику пришлось поменять несколько профессий. Он работал слесарем, красильщиком, столяром, мастером-часовщиком. Некоторые предприимчивые поляки смогли открыть и успешно развивать свое дело. Польским помещикам пришлось учиться печь булки и печенье, продавать колбасу. В Иркутске поляки первыми открыли кондитерские, колбасные и другие виды производства⁴².

Этнический состав населения Якутска по материалам однодневной переписи города в 1885 г. Однодневные переписи населения сибирских городов, выполненные губернскими и областными статистическими комитетами Сибири во второй половине XIX в., учитывали национальный состав населения. Однако данные переписи охватили не все города Восточной Сибири. Однодневная перепись Якутска, проведенная 16 марта 1885 г., позволяет рассмотреть этническую картину города. Согласно переписи 1885 г., конфессиональный состав Якутска составляли преимущественно православные жители (91,04 %) – по преимуществу русские и якуты⁴³.

Рассмотрим этнический состав населения Якутска по данным однодневной переписи 1885 г., когда был произведен не только конфессиональный, но и национальный учет населения на основе родного языка. В городе во время проведения однодневной переписи населения в 1885 г., кроме общих вопросов, статистический комитет планировал выявить, сколько русских жителей говорили на якутском языке и якутов – на русском. Накануне проведения переписи в областном центре корреспондент «Сибирской газеты» констатировал: «Якуты, евреи, татары, башкиры и прочий сосланный элемент составят половину если не постоянного, то временного населения города. Русских, особенно постоянных жителей, так мало, что когда городская управа произвела разделение мещанского и купеческого обществ, имевших прежде общее управление, то почти все купцы сделались должностными лицами»⁴⁴.

В 1885 г. в Якутске основная масса населения была представлена русскими и якутами. Русские составляли 51 % всех жителей Якутска, т.е. практически половину всего населения города (табл. 3). В этнической группе русских в процентном соотношении мужчин было 50,7 %, женщин – 51,3 %. Другим многочисленным этносом после русских в городе являлись якуты, удельный вес которых в составе горожан достигал 37,5 % (на долю мужчин приходилось 36,4 %, женщин – 38,9 %). У русских и якутов женщин было больше, чем мужчин. Заметной диаспорой в Якутске выступали евреи (5,3 % от всех горожан; 164 чел. муж. пола и 118 чел. жен. пола). Проживавшие в городе поляки были преимущественно ссыльными (2,9 %). Заметно выросло число мусульман: если в 1861 г. среди них числился всего 1 чел., то в 1885 г. – уже 192 чел. Последователями ислама являлись татары (2,9 %) и башкиры (0,7 %). Представители этнической группы «немцы» составляли незначительную долю среди горожан (0,3 %). К группе «прочие» (0,2 %) относились представители других национальностей: цыгане (4 чел.), тунгусы (3 чел.), буряты (1 чел.). Вероятно, цыгане оказались в Якутске, как и в целом в Сибири, в результате ссылки на водворение (ссылка за бродяжничество). Обычно такая ссылка применялась к бродягам и не отличалась от ссылки на поселение.

В Якутске якуты по численности занимали второе место после русских. В основном они были заняты в сельском хозяйстве, торговле, транспорте, строительстве и работе по найму⁴⁵. Представители якутского этноса, став горожанами, занимались теми же промыс-

⁴¹ Белоконский И.П. По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. Орел, 1887. С. 228.

⁴² Романов Н.С. Летопись Иркутска... С. 90.

⁴³ Статистическая однодневная перепись городов Якутской области. Иркутск, 1886. С. 4.

⁴⁴ Сибирская жизнь. 1885. № 17 (28 апр.).

⁴⁵ Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области... С. 94.

лами, что и русское население. Среди якутских горожан было немало искусных ремесленников и предприимчивых торговцев⁴⁶. В ремесле якуты достаточно преуспели и русские им значительно уступали. В торговых делах они составляли конкуренцию русским купцам. Ю.А. Гагемейстер писал, что якутские торговцы по таким качествам, как «ум, хитрость и деятельность», практически не уступали русским⁴⁷. Многие из них вели самостоятельно торговлю, и на базаре Якутска разместились ряды торговцев-якутов. В городе ощущалось влияние коренного населения на повседневную жизнь горожан других национальностей. Разговоры на якутском языке были слышны на улицах и в домах. В Якутске многие русские жители могли поддержать беседу с инородцами. На якутском языке разговаривали в гостиницах чиновников и даже в немецких семьях, где барышни сумели освоить якутский язык. Сами якуты редко переодевались в европейские платья, они предпочитали национальные костюмы⁴⁸. Некоторые якутские купцы стремились перенять облик и привычки русских купцов. Например, якут Н.Д. Эверестов, отправляясь в поездку в российские города, преображался: носил европейскую одежду, останавливался в дорогих гостиницах и ездил на каретах. Этот якутский купец первой гильдии прекрасно владел русским и якутским языками⁴⁹. Еще в середине XIX в. современник отмечал, что большинство русских поселенцев переняли много обычаев из повседневной жизни якутов. Они стали стричь голову как инородцы и выдергивать щипцами волосы из бороды. Стрижка русских отличалась от якутской тем, что якуты на затылке оставляли волосы наподобие гривы. Поселенцам приходилось адаптироваться к местным условиям жизни. Русские носили такую же одежду, что и якуты, кроме шапок, которые «у инородцев были всегда особенные и одноформенные, как у мужчин, так и у женщин»⁵⁰. Якутки, проживавшие в Якутске, предпочитали идти в услужение или к своим сородичам, или к «объякутившимся» русским, или в русский дом, где умели говорить на якутском языке и где хозяйственный уклад был схож с якутским. Любой якутке хотелось слышать родной «капсе», не тосковать по любимым якутским блюдам – «ханку», «соре», «тару» и приготовленным по-якутски карасям. Чаще всего якутские женщины предпочитали «жить в домах, где с утра до вечера толпились якуты, все делалось на якутский лад»⁵¹.

Среди русского населения, проживавшего в Якутске, распространилась привычка передавать собственных детей на «вскорм» или «в якуты». Под этим обычаем подразумевалась временная передача новорожденных из русских семей на воспитание якутам. Отданный на воспитание ребенок становился либо полноправным членом семьи, либо обрекался на роль работника, а иногда даже крепостного. Находясь в якутской среде, русские дети жили в якутской юрте, там они начинали осваивать якутский язык и традиции. Обычно ребенок находился «в якутах» в течение трех-четырех лет, а затем его возвращали матери. По этому поводу вице-губернатор Якутской области В.Л. Приклонский, крайне недовольный обычаем русских отдавать детей «в якуты», писал о последствиях такого разбросанного воспитания: «Детей привезут в дом к матери, которую они не узнают, и она их забыла. Баловство и нерадение доканчивают остальное воспитание, так что юноша в 18 лет имеет в себе все предрассудки обоих народов, ни одной прямой идеи и никакого языка, ибо якутский он недоучил, а русскому он ни у кого не учился; редкие из жителей среднего сословия не мешают плохой русский язык с еще более приговорами якутского»⁵².

Однодневная перепись 1885 г. показала, что заметное место в Якутске стала занимать группа «евреи» (282 чел., 5,3 %). Представители еврейской диаспоры активно вели предпри-

⁴⁶ НАРС(Я). Ф. 4864. Оп. 2. Д. 60. Л. 4.

⁴⁷ Гагемейстер Ю.А. Статистическое описание Сибири. СПб., 1854. Ч. II. С. 192.

⁴⁸ Потанин Г.Н. Города Сибири... С. 258–259.

⁴⁹ Кушнарева М.Д. Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии Н.Д. Эверстова // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 37–38.

⁵⁰ Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Разряд 55. Оп. 1. Д. 19. Л. 22 об.; НАРС(Я). Ф. 486-и. Оп. 2. Д. 67. Л. 94.

⁵¹ Восточное обозрение. 1899. 14 февр.

⁵² НА РГО. Разряд. 63. Оп. 1. Д. 9. Л. 39 об.

нимательскую деятельность, обычно многие из них стремились открыть какое-нибудь свое дело. Особенно удачно они смогли влиться в торговую сферу. Как отмечали очевидцы, «приехав сюда ни с чем, они в короткое время делаются торговцами, сидельцами». Особенно сильно влияние еврейских торговцев сказалось на хлебной торговле, где им удавалось быстро и хорошо обогатиться⁵³. Исследователь А.П. Андреев отметил, что еврейское население в Якутии формировалось вследствие ссылки. Некоторые ссыльные евреи женились на местных женщинах. Среди якутов встречаются фамилии Левин, Вензель, Гольдан, Голдырев и др.⁵⁴

Этноконфессиональный состав населения в конце XIX в. В 1897 г. во всех четырех рассматриваемых городах православные продолжали оставаться основной конфессиональной группой (табл. 4). Самый высокий удельный вес лиц, исповедовавших православие, был в Красноярске (90,1 %). Немного ниже процент православных наблюдался в Якутске (88,7 %) и Иркутске (87,2 %). Чита продолжала отставать от других восточносибирских центров по удельному весу православных (82,2 %). Православие исповедовали не только русские, но и представители других этносов. В Якутске наряду с русскими к православным относились якуты. В сибирских городах крещенными в православие были мордва, чуваш, цыгане. Встречались случаи, когда в православие переходили поляки, евреи, татары и другие. Среди конфессиональных групп после православия следовала группа «иудеи». По численности лиц, исповедовавших иудаизм, лидировал Иркутск (3 609 чел.). Значительное число иудеев сконцентрировалось в Чите (1 211 чел.), ставшей лидером (7,0 %) по удельному весу среди других центров. В Красноярске также было довольно много иудеев (1 137 чел.), хотя с 1861 по 1897 г. их удельный вес в составе горожан оставался почти неизменным. В 1861 г. он составлял 4,1 %, в 1897 г. – 4,2 %⁵⁵. Менее всего иудеев было в Якутске (356 чел.), однако с 1862 по 1897 г. их доля среди населения значительно повысилась – с 0,6 до 5,4 %⁵⁶.

В городах заметно увеличился удельный вес лиц, исповедовавших ислам. Особенно увеличилась доля мусульман в Якутске, в 1897 г. они уверенно заняли третье место после православных и иудеев. Если в 1862 г. в городе числился всего один мусульманин, то в 1897 г. было зафиксировано 246 чел., на которых приходилось 3,8 % от всех городских жителей. В Чите в 1862 г. не было ни одного мусульманина, а в 1897 г. насчитывалось 163 чел. (1,4 %). В 1897 г. в Иркутске мусульмане составляли 1,9 %, в Красноярске – 1,1 %. К последователям ислама относились представители различных этносов: татары, башкиры, узбеки, черкесы, киргизы и др. В Иркутске католики оставались самой многочисленной конфессиональной группой после православных (1 086 чел., 2,1 %). Гораздо ниже удельный вес последователей католицизма был в Якутске (1,1 %), в Красноярске (0,7 %) и в Чите (0,5 %). Практически во всех городах оставалась невысокой доля протестантов: в Красноярске (0,7 %), в Иркутске (0,6 %), в Чите (0,5 %) и в Якутске (0,1 %). В материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г. отсутствуют данные о буддистах и ламаистах в Иркутске и Чите. Можно предполагать, что к этому времени они стали составлять незначительную долю среди городских жителей и их отнесли к группе «прочие».

К концу XIX в. русские продолжали оставаться самым многочисленным этносом губернских и областных городов-центров Восточной Сибири (табл. 5). В 1897 г. наиболее высокий процент русского населения был в Красноярске и Иркутске. В Красноярске удельный вес группы «русских» составлял 90,4 %, в Иркутске – 87,9 %. Несколько ниже удельный вес русского населения наблюдался в Чите (82,6 %). По численности русского населения доминировал Иркутск – 45 228 чел. Среди рассматриваемых административных центров Якутск оказался единственным городом, где доля русских составляла меньше

⁵³ Сибирь. 1881. № 14 (12 апр.).

⁵⁴ Андреев А.П. Еврейское население Якутии... С. 169.

⁵⁵ Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. СПб., 1863. Табл. II; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 73: Енисейская губерния. С. 3.

⁵⁶ Памятная книжка Якутской области за 1863 г. СПб., 1864. Табл. II; Первая всеобщая перепись... Т. 80: Якутская область. С. 3.

половины всего населения в городе (47 %). Удельный вес русского населения в Якутске был гораздо ниже, чем в других рассматриваемых городах. Второй значимой этнической категорией в городе продолжали оставаться якуты (42,7 %). Согласно статистике того времени, якуты относились к группе «инородцы», куда включали представителей и других северных народов (тунгусов, юкагиров и других, которых, впрочем, в Якутске проживало крайне мало).

К концу XIX в. во всех рассматриваемых городах на втором месте после русских была этническая группа «евреев». Все также города продолжали притягивать значительную часть представителей еврейской диаспоры. В Иркутской губернии половина еврейского населения проживала в городах. Для 39,5 % евреев основным занятием была торговля, для 27,8 % – ремесло и промышленность, 6,3 % – работали по найму, 4,7 % – занимались земледелием, остальные заняты в строительстве и транспорте⁵⁷. Среди четырех центров евреи Иркутска являлись самой многочисленной этнической группой (3 326 чел., 6,5 %). По удельному весу еврейского населения по-прежнему лидировала Чита (10,1 %). Среди этнических групп заметное место занимали евреи в Якутске (5,2 %) и Красноярске (4,3 %). Из всех городов полное совпадение по родному языку и вероисповеданию наблюдалось в Красноярске, где все евреи (1 137 чел.) исповедовали иудаизм.

К концу XIX в. заметно увеличилась численность татар, потеснивших поляков. Особенно высокий удельный вес татар был в Якутске (3,7 %) и Чите (3,1 %). Большинство татар исповедовали ислам. Совпадение по родному языку и вероисповеданию было достаточно высоким в Якутске, где магометан насчитывалось 246 чел. и 245 татар исповедовали ислам. Самая большая численность татар была в Иркутске, где проживало 1 204 татар, но их доля среди горожан составляла 2,3 %. Польская диаспора в Сибири первоначально формировалась из ссыльных поляков, пополняясь впоследствии их потомками, а также поляками, находившиеся на службе в Сибири. По-прежнему самая высокая численность поляков продолжала оставаться в Иркутске (1 008 чел.), что составляло 2 % от всего населения. Менее всего поляков было в Якутске (54 чел., 0,8 %).

К группе «прочие» относились представители самых различных этносов: литовцы, латыши, эстонцы, финны, армяне, картвелы, горцы, караимы и др. В эту же группу входили иностранные выходцы, принявшие российское подданство, иностранцы, остающиеся в иноземном подданстве, корейцы, китайцы и японцы. В Чите китайцы, корейцы и японцы были выделены отдельной группой с общей численностью 112 чел. (1,0 %)⁵⁸. В Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в таблице по родному языку была учтена численность коренных сибирских народов. В основном инородцы жили в сельской местности и в городах их удельный вес был незначителен. В Красноярске было записано – 20 енисейских тюрок (хакасов), якут, тунгус, самоед. Среди всего населения города их доля была совсем незначительной⁵⁹.

Заключение. Таким образом, во второй половине XIX в. основу конфессионально-этнического состава четырех центров Восточной Сибири составляло православное и русскоязычное население. Переселенцы русской национальности православной конфессиональной группы являлись главным источником пополнения жителей региона, в том числе городов. Большое значение для роста численности населения в Восточно-Сибирском регионе сыграла ссылка. Особенно заметную роль в этническое разнообразие восточносибирских центров внесли ссыльные еврейской и польской диаспор. Спецификой восточносибирских городов было наличие проживавших в них инородцев. Если в Красноярске, Иркутске и Чите их доля была незначительной, то в Якутске с высоким удельным весом якутов ощущалось влияние инородцев на русскоязычное население. К концу XIX в. в городах в конфессиональном составе при приоритете православного населения увеличилась доля иудеев и мусульман. Этнический состав горожан также претерпел некоторые изменения. В города стекались пред-

⁵⁷ Карих Е.В. Этническая структура экономики Иркутской губернии... С. 152.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 21. Л. 6 об. – 7.

⁵⁹ Первая всеобщая перепись... Т. 73: Енисейская губерния. С. 3.

ставители разных этносов, среди которых заметно повысился удельный вес евреев и татар. Представители различных конфессий и этносов принимали участие в социально-экономической жизни и хозяйственном освоении Восточной Сибири, города же выступали в роли главных центров этнокультурного взаимодействия, в которых сосуществовали представители многих этносов, вероисповеданий и культурных традиций, накладывавшихся друг на друга и формировавших специфический уклад быта местного населения.

Таблица 1

Конфессиональный состав населения
Красноярска, Иркутска, Читы и Якутска в 1861–1862 гг.

Конфессиональные группы	Красноярск (1861 г.)		Иркутск (1861 г.)		Чита (1862 г.)		Якутск (1862 г.)	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Православные	8 160	93,0	23 744	95,8	2 704	89,6	5 446	96,8
Раскольники	11	0,1	–	–	–	–	129	2,28
Иудеи	362	4,1	245	1,0	275	9,1	36	0,6
Мусульмане	60	0,7	115	0,5	–	–	1	0,02
Католики	165	1,9	278	1,1	12	0,4	7	0,1
Протестанты	18	0,2	97	0,4	9	0,3	10	0,2
Прочие	–	–	300	1,2	17	0,6	–	–
Итого	8 776	100,0	24 779	100,0	3 017	100,0	5 649	100,0

Составлено по: ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 210; Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. СПб., 1863. Табл. II; Памятная книжка Иркутской губернии на 1863. Иркутск, 1863. С. 108–109; Памятная книжка Якутской области за 1863 г. СПб., 1864. Табл. II.

Таблица 2

Конфессиональный состав населения Иркутска в 1875 г.

Основные конфессиональные группы	Муж.		Жен.		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Православные	16 121	89,1	13 659	94,62	29 780	91,60
Старообрядцы	20	0,1	15	0,1	35	0,11
Католики	774	4,3	191	1,32	965	2,97
Протестанты	116	0,6	64	0,44	180	0,55
Иудеи	543	3,0	464	3,21	1 007	3,10
Мусульмане	277	1,5	31	0,21	308	0,95
Ламаисты	32	0,2	1	0,01	33	0,10
Конфуцианисты	30	0,2	–	–	30	0,45
Шаманисты	142	0,8	5	0,03	147	0,09
Прочие	21	0,1	6	0,04	27	0,08
Итого	18 076	100,0	14 436	100,0	32 512	100,0

Составлено по: РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 321. Л. 35; Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 г. Иркутск, 1881. С. 65–66.

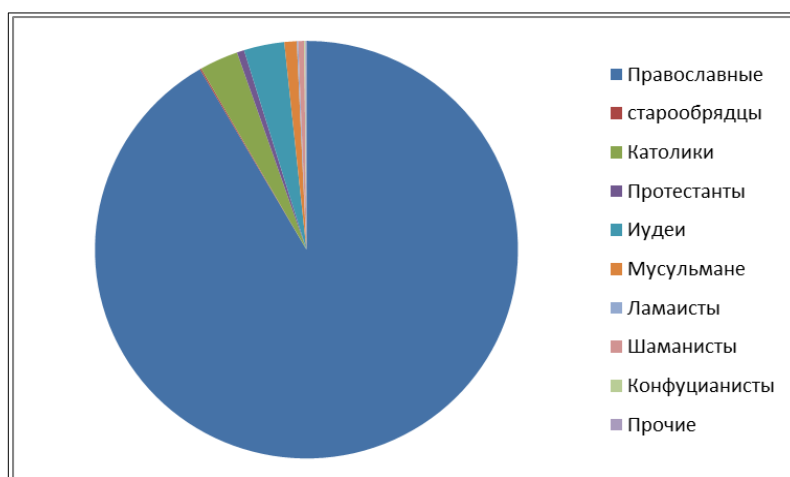

Рис. 1. Конфессиональный состав населения Иркутска в 1875 г.

Таблица 3

Этнический состав населения Якутска в 1885 г.

Основные этнические группы	Муж.		Жен.		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Русские	1 481	50,7	1 222	51,3	2 703	51,0
Якуты	1 063	36,04	927	38,9	1 990	37,5
Евреи	164	5,6	118	5,0	282	5,3
Татары	94	3,2	61	2,6	155	2,9
Поляки	75	2,6	33	1,4	108	2,1
Башкиры	23	0,8	14	0,6	37	0,7
Немцы	15	0,5	3	0,1	18	0,3
Прочие	5	0,2	3	0,1	8	0,2
Итого	2 920	100,0	2 381	100,0	5 301	100,0

Составлено по: Статистическая однодневная перепись городов Якутской области. Иркутск, 1886. С. 4; Однодневная перепись городов Якутской области в 1885 г. // Сибирь. 1886. № 28 (13 июля). С. 4.

Таблица 4

Конфессиональный состав населения Красноярска, Иркутска, Читы и Якутска в 1897 г.

Конфессиональные группы	Красноярск		Иркутск		Чита		Якутск	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Православные	24 056	90,1	44 896	87,2	9 460	82,2	5 799	88,7
Старообрядцы	156	0,6	286	0,6	34	0,3	56	0,9
Иудеи	1 137	4,2	3 609	7,0	1 211	10,5	356	5,4
Мусульмане	296	1,1	973	1,9	163	1,4	246	3,8
Католики	856	3,2	1 086	2,1	288	2,5	69	1,1
Протестанты	178	0,7	327	0,6	57	0,5	9	0,1
Прочие	20	0,1	296	0,6	298	2,6	—	—
Итого	26 699	100,0	51 473	100,0	11 511	100,0	6 535	100,0

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 73: Енисейская губерния. С. 3; Т. 75: Иркутская губерния. С. 3; Т. 74: Забайкальская область. С. 3; Т. 80: Якутская область. С. 3.

Таблица 5

**Этнический состав населения губернских и областных центров
Восточной Сибири в 1897 г.**

Этнические группы	Красноярск		Иркутск		Чита		Якутск	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Русские	24 155	90,4	45 228	87,9	9 504	82,6	3 074	47,0
Поляки	–	–	–	–	–	–	2 788	42,7
Якуты	752	2,8	1 008	1,9	243	2,1	54	0,8
Евреи	1 137	4,3	3 326	6,5	1 160	10,1	338	5,2
Татары	309	1,2	1 204	2,3	353	3,1	245	3,7
Немцы	118	0,4	262	0,5	33	0,3	9	0,1
Прочие	228	0,9	445	0,9	212	1,8	27	0,4
Итого	26 699	100,0	51 473	100,0	11 511	100,0	6 535	100,0

Составлено по: РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 20. Л. 7 об. – 8; Д. 23. Л. 6 об. – 7; Д. 83. Л. 10 об.

Литература

Андреев А.П. Еврейская диаспора Якутии // Наука и образование. 2006. № 3. С. 114–117.

Андреев А.П. Еврейское население Якутии // Наука и образование. 2007. № 3. С. 68–70.

Белокопский И.П. По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. Орел: Изд-во Н.А. Семеновы, 1887. 238 с.

Брюханова Е.А., Чекрыжова О.И., Неженцева Н.В. Диаспоры этнических меньшинств в городах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.: демографические и социальные особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2024. Вып. 23, № 1. С. 8–18.

Борисовский Н.Ф. Картинки сибирской жизни. От Читы до Тифлиса. Митава, 1890. 109 с.

Гагемейстер Ю.А. Статистическое описание Сибири. СПб., 1854. Ч. II. 748 с.

Гимельштейн А.В. Динамика городского населения Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере губернских и областных центров) // Иркутский историко-экономический ежегодник: сб. ст. Иркутск, 2011. С. 361–365.

Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М. Виды городских общностей и религиозный быт горожан губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Сибирский город XVIII – XX веков: сб. ст. Иркутск, 2011. С. 70–80.

Гончаров Ю.М. Польская семья в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сб. ст. Барнаул, 2005. С. 101–112.

Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Этнорелигиозный фактор в социально-экономической адаптации мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 223–237.

Дворецкая А.П., Терскова А.А. К вопросу о распространении православия среди инородцев Туруханского края в XVIII – начале XX вв. // Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2018. С. 118–125.

Загоскин М.В. Иркутск и Иркутская губерния с очерком прочих губерний и областей Сибири. Иркутск: Тип. Н.Н. Синицына, 1870. 140 с.

Кальмина Л.В. Евреи в дореволюционном Иркутске: отблеск губернского лоска // Известия Иркутского государственного университета. 2012. № 1 (2). С. 118–126.

Кальмина Л.В. Еврейская община в Забайкалье: региональные нюансы самоуправления // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Т. 23. С. 55–61.

Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2003. 423 с.

Карих Е.В. Этническая структура экономики Иркутской губернии во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 152–155.

Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.

Коровушкин Д.Г. Конфессиональный фактор в процессах этнокультурной интеграции аграрных переселенцев Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в. // Манускрипт. 2018. № 6 (92) С. 46–50.

Курчатова Т.Т., Андреев А.П. Евреи Якутии в конце XIX в. (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 72–75.

Кушнарева М.Д. Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии Н.Д. Эверстова // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 35–44.

Недзелюк Т.Г. Источники для изучения государственно конфессиональной и международной политики в Степном Генерал-губернаторстве (по материалам Центрального государственного архива Республик Казахстан) // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. С. 154–166.

Недзелюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830–1917 гг.). Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2016. 347 с.

Недзелюк Т.Г. Смена вероисповедной принадлежности в Российской империи на примере Западной Сибири: потенциальные возможности, нормативное регулирование, практика применения // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 128–139.

Орехова Н.А., Кофман Я.М. Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность (XIX – начало 30-х гг. XX вв.). Красноярск: Красноярский пед. ун-т, 2009. 325 с.

Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. Новосибирск: Новосибирский гос. архитектурно-строительный институт, 2016. 808 с.

Перинов В.В. Мусульманская община Верхнеудинска в конце XIX – начале XX века: социальный портрет // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 4–8.

Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 234–259.

Рабинович В.Ю. Евреи и поляки в дореволюционном Иркутске: «переселенцы» в переселенческом обществе // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-1 (68). С. 201–206.

Романов Н.С. Летопись Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 544 с.

Семенов Е.В. Польские политические ссыльные в Чите в 60–70-е гг. XIX в. // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 92–98.

Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польские ссыльные в России XIX–XX веков: региональные центры. Казань: Мастер Лайн, 1998. С. 170–175.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: АГУ, 2007. Ч. II. 292 с.

Терскова А.А., Дворецкая А.П. Взаимоотношения православной церкви и общин баптистов в Енисейской губернии начала XX века // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XVIII Междунар. науч. конф. Иваново, 2019. С. 168–173.

Ульянова О.С. Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни г. Томска (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия). Томск: Изд-во Томского государственного ун-та, 2010. 246 с.

Хоменко Д.Ю. Хозяйственная адаптация прибалтийских народов в Сибири в начале XX века (на материалах Енисейской губернии) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (27). С. 204–216.

Хоменко Д.Ю. Лютеранские приходы на территории Енисейской губернии в XIX веке: создание и реорганизация // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска): мат-лы Сиб. ист. форума. Красноярск, 2019. С. 389–391.

Шайдуров В.Н. Повседневная жизнь европейских общин в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. (по материалам периодической печати) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 88–92.

Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 81–97.

References

Andreev, A.P. (2006). Evreyskaya diaspora Yakutii [The Jewish Diaspora in Yakutia]. In *Nauka i obrazovanie*. No. 3, pp. 114–117.

Andreev, A.P. (2007). Evreyskoe naselenie Yakutii [The Jewish Population of Yakutia]. In *Nauka i obrazovanie*. No. 3, pp. 68–70.

Belokonsky, I.P. (1887). *Po tyur'mam i etapam. Ocherki tyuremnoy zhizni i putevye zametki ot Moskvy do Krasnoyarska* [Through Prisons and Prisoner Transport. Essays on Prison Life and Travel Notes from Moscow to Krasnoyarsk]. Orel, Izd-vo N.A. Semenovoy. 238 p.

Borisovsky, N.F. (1890). *Kartinki sibirskoy zhizni. Ot Chity do Tiflisa* [Pictures of Siberian life. From Chita to Tiflis]. Mitava. 109 p.

Bryukhanova, E.A., Chekryzhova, O.I., Nezhentseva, N.V. (2024). Diaspory etnicheskikh men'shinstv v gorodakh Tobol'skoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.: demograficheskie i sotsial'nye osobennosti [Diasporas of Ethnic Minorities in the Towns of Tobolsk Province in the Late 19th – Early 20th Century: Demographic and Social Features]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. Iss. 23, No. 1, pp. 8–18.

Dashkovsky, P.K., Shershneva, E.A. (2025). Etnoreligioznyy faktor v sotsial'no-ehkonomicheskoy adaptatsii musul'manskogo naseleniya Eniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The Ethno-Religious Factor in Socioeconomic Adaptation of the Muslim Population of the Yenisei Province in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. In *Narody i religii Evrazii*. Vol. 30, No. 3, pp. 223–237.

Dvoret'skaya, A.P., Terskova, A.A. (2018). K voprosu o rasprostraneni pravoslaviya sredi inorodtsev Turukhanskogo kraya v XVIII – nachale XX vv. [On the Issue of Orthodoxy Dissemination among the Non-Russians of Turukhansk Kray in the 18th and Early 20th Centuries]. In *Arktika 2018: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo, ekologiya i bezopasnost', innovatsionnye tekhnologii i logistika, pravovoe regulirovanie, istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnoyarsk, pp. 118–125.

Gagemeister, Yu.A. (1854). *Statisticheskoe opisanie Sibiri* [Statistical Review of Siberia]. Part II. St. Petersburg. 748 p.

Gimel'shtein, A.V. (2011). Dinamika gorodskogo naseleniya Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. (na primere gubernskikh i oblastnykh tsentrov) [Dynamics of the Urban Population in Eastern Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries (Based on Provincial and Regional Centers)]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*. Irkutsk, Baikal'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 361–365.

Gimel'shtein, A.V., Dameshek L.M. (2011). Vidy gorodskikh obshchnostey i religioznyy byt gorozhan gubernskikh i oblastnykh tsentrov Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. [Types of Urban Communities and Religious Life of the Townspeople of the Provincial

and Regional Centers of Eastern Siberia in the Second Half of the 19th Century]. In *Sibirskiy gorod XVIII – XX vekov*. Irkutsk, pp. 70–80.

Goncharov, Yu.M. (2005). Pol'skaya sem'ya v gorodakh Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Polish Family in the Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. In *Protsessy urbanizatsii v Tsentral'noy Rossii i Sibiri*. Barnaul, pp. 101–112.

Kal'mina, L.V. (2003). *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX – fevral' 1917 g.)* [Jewish Communities in Eastern Siberia (Mid-19th Century – February 1917)]. Ulan-Ude, VSGAKI. 423 p.

Kal'mina, L.V. (2012). Evrei v dorevolutsionnom Irkutske: otblesk gubernskogo loska [Jews in the Pre-Revolutionary Irkutsk: Glean of Province Gloss]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (2), pp. 118–126

Kal'mina, L.V. (2018). Evreyskaya obshchina v Zabaikal'e: regional'nye nyuansy samoupravleniya [Jewish Community in Transbaikalia: Peculiarities of the Regional Self-Government]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 23, pp. 55–61.

Karikh, E.V. (2007). Etnicheskaya struktura naseleniya Yakutskoy oblasti v kontse XIX v. [Ethnic Structure of the Population of the Yakut Oblast at the End of the 19th Century]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 296, pp. 92–95.

Karikh, E.V. (2009). Etnicheskaya struktura ekonomiki Irkutskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX v. [Ethnic Structure of the Economy in the Irkutsk Province in the Second Half of the 19th Century]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 323, pp. 152–155.

Khomenko, D.Yu. (2018). Khozyaystvennaya adaptatsiya pribaltiyskikh narodov v Sibiri v nachale XX veka (na materialakh Eniseyskoy gubernii) [Economic Adaptation of the Baltic Peoples in Siberia at the Beginning of the 20th Century (Based on the Yenisei Province)]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 3 (27), pp. 204–216.

Khomenko, D.Yu. (2019). Lyuteranskii prikhod na territorii Eniseyskoy gubernii v XIX veke: sozdanie i reorganizatsiya [Lutheran Parishes in the Yenisei Province in the 19th Century: Establishment and Reorganization]. In *Eniseyskaya Sibir' v istorii Rossii (k 400-letiyu g. Eniseyska)*. *Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma*. Krasnoyarsk, pp. 389–391.

Korovushkin, D.G. (2018). Konfessional'nyy faktor v protsessakh etnokul'turnoy integratsii agrarnykh pereselentsev Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – pervoy treti XX v. [Confessional Factor in the Processes of Ethno-Cultural Integration of West Siberian Agrarian Resettlers at the End of the 19th – in the First Third of the 20th century]. In *Manuskript. Tambov, Gramota*. No. 6 (92), pp. 46–50.

Kurchatova, T.T., Andreev, A.P. (2016). Evrei Yakutii v kontse XIX v. (po materialam Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya 1897 g.) [The Jews of Yakutia in the late 19th Century (Case Study of the First National Census of 1897)]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. No. 4, pp. 72–75.

Kushnareva, M.D. (2024). Istoricheskiy portret yakutskogo kuptsa 1-y gil'dii N.D. Everstova [Historical Portrait of the Yakut Merchant of the 1st Guild N.D. Everstov]. In *Gumanitarnyy vector*. Vol. 19, No. 2, pp. 35–44.

Nedzelyuk, T.G. (2016). *Konfessional'noe soobshchestvo katolikov Sibiri: vliyanie mirovozreniya na povsednevnyuyu zhizn' (1830–1917 gg.)* [The Confessional Community of Siberian Catholics: The Influence of Worldview on Everyday Life (1830–1917)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SibAGS. 347 p.

Nedzelyuk, T.G. (2019). Smena veroispovednoy prinadlezhnosti v Rossiyskoy imperii na primere Zapadnoy Sibiri: potentsial'nye vozmozhnosti, normativnoe regulirovanie, praktika primeneniya [Change of Religious Affiliation in the Russian Empire on the Example of Western Siberia: Potential Opportunities, Regulation, Practice]. In *Narody i religii Evrazii*. No. 4 (21), pp. 128–139.

Nedzelyuk, T.G. (2023). Istochniki dlya izucheniya gosudarstvenno konfessional'noy i mezh-dunarodnoy politiki v Stepnom General-gubernatorstve (po materialam Tsentral'nogo gosu-

darstvennogo arkhiva Respubliki Kazakhstan) [Sources for Study of State Confessional and International Policy in the Steppe General-Governance (On the Materials of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan)]. In *Narody i religii Evrazii*. No. 2, Vol. 28, pp. 154–166.

Orekhova, N.A., Kofman, Ya.M. (2009). *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost' (XIX – nachalo 30-kh gg. XX vv.)* [Jews in Siberia and the Far East: History and Modernity (19th Century – Early 1930s)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Pedagogical University. 325 p.

Ostrovskiy, L.K. (2016). *Polyaki v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – pervoy chetverti XX veka* [Poles in Western Siberia in the Late 19th – First Quarter of the 20th Century]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy arkhitekturno-stroitel'nyy institut. 808 p.

Perinov, V.V. (2009). *Musul'manskaya obshchina Verkhneudinskaya v kontse XIX – nachale XX veka: sotsial'nyy portret* [The Muslim Commune of Verkhneudinsk in Late 19th – Early 20th Century: Social Portrait]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 7, pp. 4–8.

Potantin, G.N. (1908). *Goroda Sibiri* [Cities of Siberia]. In *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy*. St. Petersburg, pp. 234–259.

Rabinovich, V.Yu. (2010). *Evrei i polyaki v dorevolutsionnom Irkutske: "pereselentsy" v pereselencheskom obshchestve* [The Jews and the Poles: Immigrants in the Immigrant Community]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4-1 (68), pp. 201–206.

Romanov, N.S. (1993). *Letopis' Irkutskaya za 1881–1901 gg.* [Chronicle of Irkutsk for 1881–1901]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 544 p.

Semenov, E.V. (2017). *Pol'skie politicheskie ssyl'nye v Chite v 60–70-e gg. XIX v.* [Polish Political Exiles to Chita in the 1860s–1870s]. In *Gumanitarnyy vektor*. Vol. 12, No. 4, pp. 92–98.

Shaidurov, V.N. (2010). *Povsednevnyaya zhizn' evropeyskikh obshchin v Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. (po materialam periodicheskoy pechati)* [Everyday Life of European Communities in Western Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries (Based on Periodical Press Materials)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 335, pp. 88–92.

Shaidurov, V.N. (2013). *O nekotorykh osobennostyakh formirovaniya i ekonomicheskogo razvitiya pol'skoy obshchiny Zapadnoy Sibiri XIX – nachala XX v.* [On Some Features of the Formation and Economic Development of the Polish Community in Western Siberia in the 19th and Early 20th Centuries]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. No. 2 (21), pp. 81–97.

Skubnevsky, V.A. (1998). *Pol'skoe naselenie Sibiri po materialam perepisi 1897 g.* [Polish Population of Siberia Based on the Census of 1897]. In *Pol'skie ssyl'nye v Rossii XIX–XX vekov: regional'nye tsentry*. Kazan, pp. 170–175.

Skubnevsky, V.A., Goncharov, Yu.M. (2007). *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. Naselenie. Ekonomika. Zastroyka i blagoustroystvo* [Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. Population. Economy. Development and Improvement]. Part II. Barnaul, AGU. 292 p.

Terskova, A.A., Dvoretzkaya, A.P. (2019). *Vzaimootnosheniya pravoslavnoy tserkvi i obshchin baptistov v Eniseyskoy gubernii nachala XX veka* [The Relationship of the Orthodox Church and the Baptist Communities in Yenisei Province in Early 20th Century]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov*. Ivanovo, pp. 168–173.

Ul'yanova, O.S. (2010). *Evreyskoe naselenie v ekonomicheskoy, sotsiokul'turnoy i obshchestvenno-politicheskoy zhizni g. Tomska (vtoraya polovina XIX – 20-e gg. XX stoletiya)* [Jewish Population in the Economic, Socio-Cultural, and Socio-Political Life of Tomsk (Second Half of the 19th Century – 1920s)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 246 p.

Zagoskin, M.V. (1870). *Irkutsk i Irkutskaya guberniya s ocherkom prochikh guberniy i oblastey Sibiri* [Irkutsk and the Irkutsk Region with an Outline of Other Provinces and Oblasts of Siberia]. Irkutsk, Tipografiya N.N. Sinitsyna. 140 p.